И был я, радуясь находке, // счастливым самым из людей, // в пропахшей сбруей конюховке // читая клички лошадей. // Сияли в сумраке прогорклом // слова, как детские года: // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда... // Ах, конюх, Фёдор — свет Иваныч, // меня, бездомного, пригрей. // И четвертинку, глядя на ночь, // за наше сретенье разлей. // Я закурю твоей махорки, // и поплывут, сменив места, // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда... И не пойму, какая сила // меня взяла и вознесла. // И душу вечную России // в слезах почувствовать дала. // Россия, радостно и горько // мне этим чувством жить всегда: // Соловушка, Ромашка, Зорька, // Берёза, Иволга, Звезда".

До чего же нравились эти стихи Василию Ивановичу Белову! И вообще все стихи Анатолия Гребнева он очень ценил. А Гребнев, любя Василия Ивановича, робел подарить ему книгу, и подписал её, приятно вспомнить, только под моим нажимом.

И вот результат: Василий Иванович, сам поэт, вскоре передаёт мне листочек, озаглавленный "Рецензия на стихи Гребнева":

От Степанова до Крылатского,
То с улыбкой, то с тихой болью,
Соловел я от слова вятского,
Послухмянного Анатолию.
Прочитал наизусть, что было.
Жаль, до Вологды не хватило.

И многие ли поэты, спрошу, заслужили такого отзыва от великого Белова? Мало того, добавлю, что Анатолий Гребнев умудрился появиться на свет Божий, на служение России, во Всемирный день поэзии 21 марта, да ещё и в весеннее равноденствие, когда день равен ночи, но уже решительно начинает идти к увеличению тепла и света.

Поэзия Гребнева талантлива, молода, чиста, целомудренна и очень необходима нашему времени для сохранения души человеческой. А сам он уже не очень юный, но! Но далеко-далеко ещё не старый. Знающие Анатолия Григорьевича при этих словах встрепенутся и припомнят встречи с ним. Встречи с ним — это радость общения, это искромётная декламация шедевров поэзии, это вспышки экспромтов. И неиссякаемый оптимизм, основанный на вере в Россию.

Да и что такое 75? А Гомер? А Гёте? А Лев Ошанин? Так что догоняй, друг, брат во Христе, классиков!

Ещё выскажу вот какое соображение. У нас всё литературные столицы, после Москвы и Питера — и Орёл, и Вологда, и Иркутск. Вятка моя куда-то задвинута, но на одну из столиц русской поэзии она вполне может претендовать. Тем более уже как-то высказывался в этом смысле и авторитетный Николай Дорошенко. И как иначе: в Вятке Ермил Костров, друг античности и Александра Суворова, великий Николай Заболоцкий, который на десять голов выше всех пастернаков, не говоря уж о бродских. Не обижайтесь на меня, их поклонники, я своё мнение говорю. А Светлана Сырнева? Есть ещё Николай Пересторонин, Валерий Фокин, Павел Маракулин, Алексей Смоленцев, Владимир Соколов. Есть и очень много, в чём особенность вятского направления в русской поэзии, женщин: Маргарита Чебышева, Елена Наумова, Надежда Перминова, Тамара Николаева, Маргарита Котомцева, Галина Кустенко, Ольга Юрлова, Наталья Козвонина, Оксана Чупракова, Наталья Панишева, Маргарита Чекалина и, резко догнавшая их, Надежда Мохова, и десятки, десятки (!) других. Равняющихся на кого? На правофлангового Анатолия Гребнева.

Есть ещё и вятские духовные окормители, прекрасные поэты, священники Андрей Логвинов и Леонид Сафронов.

Но Гребнев — это особая стать. "Анатолий Гребнев — это наше вятское всё", — пошутил однажды Пересторонин. И это так: Гребнев самый вятский из вятских. Его подборку мы представляем. И с юбилеем поздравляем.

Чего ещё желать, не знаем. Всё у него есть: и талант, и читатели, и большое будущее.

В чём и подписуюсь: вятич Владимир Крупин

БЕССОННОЙ ПАМЯТИ ПРИЮТ...

* * *

Душа не ведает остуды
К тому, чем издавна жива.
Из-под сознанья, из-под спуда
Всплывают матери слова.

Слетают с детского крылечка —
И снова, будто наяву,
Я слышу бабушки наречье,
Её былинную молву.

Века седые с тихим гулом —
Бессонной памяти приют —
До Святогора и Микулы
Так осязаемо встают!

Былую быль приносит Слово,
Как по натянутой струне.
И снова, жизнь живая снова
Вся до озноба внятна мне!

НОВЫЙ ХРАМ

Валентину Распутину

Люди добрые, вы подивитесь:
Нам на радость,
На горе врагу
Новый храм появился, как витязь,
На ангарском крутом берегу!
В стане строен,
Оплечьями ровен,
Он поднялся в немалый свой рост.
Крепко связана плоть его брёвен
В чашу, в лапу и в ласточкин хвост.
И над куполом-шлемом с рассветом,
Во все стороны зримый окрест,
Засиял он спасительным светом —
Православный немеркнущий крест.
Верь, мой друг!
Сатанинские силы
Завывают в бессилье пустом:
Не поставить им крест на России,
Если будет Россия с крестом!

ТРОЕ В ТРОИЦКОМ

В. Крупину, А. Заболоцкому

Нет кручины без причины —
Это истинно, браток.
Но осилит все кручины
Нашей родины исток,

Для души необходимый
До могильного креста —
Наш, Владимир, край родимый,
Наши кровные места!

Вот поэтому, дружище,
Мы с тобою не грустим.
Мы чужбинушки не ищем,
Мы на родине гостим.

Отрешён от жизни плотской,
Здесь, где свет и тишина,
Вместе с нами Заболоцкий,
Друг-сподвижник Шукшина.

И, конечно, не напрасно —
Вот спасибо, удружил! —
Сам я кисть калины красной
На божницу положил.

Сговорились — “понорились”
В славном Троицком втроём...
Это просто Божья милость —
Чуть от счастья не поём!

Хоть на время позабудем,
Что такое грусть-тоска.

Аль нельзя крещёным людям
Порасслабиться слегка?

И взамен Москвы и Вятки
Молодецкое житьё —
Задушевная двухрядка
И неслабое питьё.
Постоим над крутояром —
Что тут, братцы, за места!..

Только втуне, только даром
Пропадает красота.
Будто чёрный вихорь вымел
Деревеньки все окрест.
От села осталось имя
Да ещё поклонный крест.

Как сказал Белов Василий
(вражьей своре — в горле кость!):
“Продолжается в России
Всекрестьянский холокост”.

Но не пусто свято место —
Оживляя дивный вид,
Там, где храм стоял известный,
Свет-часовенка стоит.

Свет её — души опора!
Люди вновь сюда придут,
Вновь поселятся — и скоро
Благодать здесь обретут.

Это батюшки раденье!
Я заздравный подниму.
Мы споём благодаренье —
Лета многая ему.

Дни и ночи пролетели —
Счастьем на душу легли.
Зарядились, как Антеи,
Мы от матушки-земли.

Я глаза свои закрою,
Улечу за окоём:
Снова в Троицком мы трое
Лета многая поём!

* * *

Такая беда накатила —
Душа леденеет без слов.
Да нет, это братцы, бухтина,
Что умер Василий Белов.

Да нет же, он где-нибудь бродит
На родине тихой своей,
В своём затерялся народе,
В тумане родимых полей.

И, жизни пристрастный свидетель,
Он родине горестно рад —
Её и певец, и радетель,
Лобастый крестьянский Сократ.

Звезда воссияет над полем,
Над сумраком древним лесным...
Рубцова окликнет он Колю
И снова обнимется с ним.

А следом друзья и собратья,
Покинув небесный приют,
Могучей несломленной ратью,
Незримой дружиной встают.